

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА О ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье на примере литературно-критического осмысления творчества Ф.М. Достоевского показана неразрывная связь литературной критики с драматически сложной историей русской культуры и социального бытия страны.

В истории литературной критики и журналистики конец 19 – начало 20 столетий совпадает с границами уникального явления культурной жизни России – Серебряным веком. В это время продолжается и завершается активная деятельность завоевавших прочную читательскую репутацию литературных критиков, чей творческий путь начался еще в 1860–1870-е годы под влиянием идей, ориентированных на злобу дня. Но их деятельность претерпевает заметные изменения: корректируются методологические установки, наступает искренняя переоценка прежних постулатов и представлений, происходит зачастую вынужденная смена печатных органов, служивших повседневной кафедрой для публичных выступлений. Речь, однако, не шла об отказе от исходных самобытных идеалов или о кардинальном переосмыслении мировоззренческих основ.

Наряду с представлениями старшего поколения в критике отчетливо заявляют о себе те, чья деятельность начинается в 1880 – 1890-е годы. «Сословный» подход к литературе становится ведущим в журналах «Жизнь» и «Мир Божий». Делаются попытки перевода художественного произведения на язык социологии, на первый план выдвигается мысль об общественном пафосе произведения, подчеркивается главенствующая роль идеи в словесно-художественном тексте.

С наступлением 20 столетия окончательно определяются приметы «массовой» журнальной и газетной критики, истоки которой обнаруживаются еще в 1880-е годы. Так называемая фельетонная критика, вбирающая в себя жанры «беллетристического репортажа» и статьи-лекции, активно формирует читательские вкусы и пристрастия.

Одно из главнейших направлений русской литературной критики конца 19 в. – народническая критика – истоками своими уходит в «реальную» критику 1860-х годов, но принимает новый оттенок. Главная особенность ее заключается в устойчивой симпатии к социальным тенденциям литературы, затрагивающим по преимуществу интересы низшего сословия, мужика, в первую очередь. «Мы говорим о народничестве, – подчеркивал В. Е. Чешихин в очерке «Главнейшие

© Гриневич А.

течения русской литературной критики», – как о самой характерной литературно-критической фракции, входящей в состав публицистической партии, публицистического течения русской критики» [1, с. 23].

Кризисные тенденции своего времени ярко выразил в многочисленных сочинениях поэт, беллетрист, переводчик, религиозный мыслитель, литературный критик Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941). Совсем молодым человеком он дебютировал на литературно-критическом поприще в журнале «Северный вестник» статьей «Старый вопрос по поводу нового таланта». В начале 1890-х годов он выступил как ревностный приверженец «субъективной критики», противопоставив ее критике объективной, «научной», стремящейся только к холодной бесстрастной исторической достоверности.

На подобных противоречиях строятся и литературно-критические работы Мережковского, самая значительная из которых – двухтомное исследование «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902). Достоевский представлен здесь «провидцем духа», а Толстой «провидцем плоти». В соединении их художественных открытий Мережковский предрекает последнюю, вершинную ступень человеческого познания мира, т.е. постижение высших религиозно-мистических тайн бытия.

При всех разночтениях, которые можно без труда обнаружить в публикациях «новой» критики, их объединяли требования избавить литературу от тенденциозности, рассматривать искусство как средство приобщения к «иным мирам», утверждать суверенность и общественную независимость писательской индивидуальности. Наиболее законченную форму понимание литературы как имманентной субстанции в ее независимости от общественной жизни получило в критических выступлениях А. Л. Волынского (1861–1926). Это одна из самых колоритных и одиноких фигур в истории русской литературы, насквозь книжный человек, редкий представитель высокого аскетизма и «дон-кихотства».

Особое место в критике Волынского занимают исследования о Н. С. Лескове, книги «Царство Карамазовых» (1901) и «Ф. М. Достоевский» (1906, 1909). Вся история Ивана Карамазова, – писал Волынский, – есть как бы история борьбы богочеловека с человекобогом и победы богочеловека. По мнению Волынского, Иван Карамазов долго оставался совершенно загадочной фигурой для читающего мира. Одновременно критик полагал, что эта фигура является современной, потому что она вполне соответствует переживаемому историческому моменту и пронизана светом вечных, непреходящих идей.

Литературная позиция Волынского, сфокусированная в «философской» критике, на всем протяжении его деятельности обладала устойчивой обособленностью и обрекала его на идейное одиночество.

В истории русской культуры конца 19 – начала 20 века Василий Васильевич Розанов (1856–1919) – личность самая противоречивая и

вместе с тем неоспоримо талантливая, оригинально и живо мыслящая. Как никто другой из видных литераторов рубежа веков, он был откровенно отринут своими современниками. Из него сознательно, хотя и безуспешно, неоднократно пытались сделать этакое клоуна отечественной журналистики. Творчество Розанова невозможно заключить в привычные рамки четкого и внятного толкования: слишком оно тревожащее сложно и загадочно.

Говорить о какой-либо сформировавшейся «системе» литературно-критических взглядов писателя можно лишь условно. Слишком зыбкими и неустойчивыми были его отношения к тем или иным явлениям литературы и искусства; огромную роль играли даже такие невероятные факторы, как скажем, настроение автора или даже внешний облик объекта критических выпадов» [2, с. 8], несмотря на то что у Розанова была своя концепция истории русской литературы и литературного процесса в России, резко отличающаяся от существовавших, построенная на бесконечных «оглядываниях по сторонам», на неожиданных, часто – афористически изящных и вместе пронзительных «припоминаниях» и субъективных размышлениях. Своеобычная «музыка» розановского слова была отчетливо заявлена уже в его ранней книге о «глубочайшем аналитике души» Достоевском «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891), сразу же ставшей настольной для многих его современников. По своему характеру работа Розанова может быть с полным правом признана синтетической: она затрагивает множество побочных, параллельных и очень важных, дорогих для него тем. Размышляя над наследием Гоголя, которое ему видится противостоящим всей русской литературе, критик говорит о Гончарове, Тургеневе, Л. Толстом и вместе с тем представляет читателю основные этапы творчества Достоевского. Не случайно в розановских наблюдениях над «Братьями Карамазовыми» возникает «основанное на устных преданиях, опоэтизированное сказание об историческом или вымышленном типе, событии и т. п.» [4, с. 56], слово «легенда», проникнутое особым пафосом. Для Розанова сам роман по сути является комментарием к «Легенде». Именно «Легенду о Великом инквизиторе» критик, как подчеркивает С. Р. Федякин, «видит (и читателя заставляет увидеть) не только как главное слово во всем творчестве Достоевского, но и как концентрацию философских усилий всей русской литературы 19 в.» [3, с. 478].

Достоевский сам – и первый – указал на идеологическую природу своих героев. «Идеологическую» или «философскую» направленность дарования Достоевского видели уже его современники. Они неоднократно писали о том, что Достоевский обладал необыкновенно сильно выраженной способностью чувствовать мысли, носившиеся в воздухе, с которыми он сталкивался как с объективной реальностью, переживать их как страсти и что обстоятельство это предопределяло форму создаваемых им произведений.

А. Гриневич. Літературна критика Срібного століття про творчість Ф. М. Достоевського.

У статті на прикладі літературно-критичного осмислення творчості Ф. М. Достоевського показано, що літературна критика нерозривно пов'язана з драматично складною історією російської культури та соціального буття країни.

A. Grynevych. Literary criticism of the Silver Age about F. Dostoevsky's works.

The article shows the indissoluble connection between literary criticism and dramatically complicated history of Russian culture and social life of the country on the example of F. M. Dostoevsky's creations.

Список использованной литературы:

1. Наблюдатель. – 1897. – № 2. – 276 с.
2. Налепин А. Книга – это быть вместе. // Розанов В. В. Сочинения. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 3–5.
3. Розанов В. Собрание сочинений : Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1996. – 640 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. – Т. 2. – М. : Русский язык, 1986. – 168 с.

